

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА СОЮЗА ССР

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

ВЫПУСК I

ГЕОГРАФИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, ИСТОРИЯ

Под редакцией
АКАДЕМИКА В. В. СТРУВЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1959

М. И. Казанин

**ОБ ОДНОЙ НАДПИСИ НА КАРТЕ В «ЧЕРТЕЖНОЙ КНИГЕ
СИБИРИ» С. РЕМЕЗОВА**

Доложено на заседании Сектора исторических знаний Географического общества Союза ССР 24 ноября 1958 г.

Как известно, в левом верхнем углу общей карты Сибири в «Чертежной книге» С. Ремезова¹ вблизи устья Амура имеется надпись о пребывании в этих местах Александра Македонского.

А. Х. Востоков, давший первое описание труда Ремезова, этой надписи не приводит, что не должно удивлять, так как он вообще не описывал и не анализировал ни одной из карт атласа, а опубликовал лишь предисловие Ремезова. Труд Востокова «Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума» выходил отдельными листами, за появлением каждого из которых внимательно следила вся интересовавшаяся славяноведением Европа. Закончил публикацию своего труда Востоков в 1842 г. Однако от опубликованного в дорогом издании с ограниченным тиражом² краткого известия об обнаружении какого-либо нового ценного памятника, да еще находящегося в частном меценатском собрании, до непосредственного ознакомления и изучения его широкой публикой могло пройти немало времени. Этим и объясняется, что А. Ф. Миддендорф, совершавший в те годы (1842—1845) свое знаменитое путешествие по Сибири, ничего не знал об атласе Ремезова и наткнулся на него больше чем десяток лет спустя. Лишь в 1857 г. он пишет в Географическое общество письмо, где привлекает внимание ученого мира к «находке», как он выразился, ценнейшего географического источника по Сибири — атласа Ремезова³.

Не следует думать, что Миддендорф «открыл» каталог Востокова или сам атлас Ремезова в результате каких-либо углубленных филологических или историко-географических изысканий. Он занимался карто-

¹ См.: «Чертежная книга Сибири, составленная Тобольским сыном боярским Семеновым Ремезовым в 1701 г.», СПб., 1882; карта № 21: «Чертеж всех сибирских городов и земель». — Подлинник «Чертежной книги» хранится в рукописном отделе Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина в Москве.

² Российская Академия, за счет которой был напечатан каталог Востокова, постановила выпустить 600 экз., из которых 300 выдать Востокову, 150 — Академии, 20 — Румянцевскому Музею и 130 разослать в светские и духовные учебные заведения (М. И. Сухомлинов, *История Российской Академии*, СПб., 1907, вып. 7, стр. 378). — Таким образом, каталог в продажу не поступил.

³ А. Ф. Миддендорф, *Письмо к вице-председателю Русского географического общества* (ВРГО ч. 21, отд. V, СПб., 1858), стр. 1.

графией Азиатской России, как сам пишет в упомянутом выше письме в Географическое общество, только «мимоходом по случаю издания последнего тома Сибирского путешествия». Поскольку Миддендорф называет атлас «находкой» в общем смысле этого слова, а не своей лично, мы можем предположить, что кто-либо из широкого круга петербургских ученых, знавших о его работе над своим «Путешествием» (а к 1857 г. в свет вышло уже несколько его томов на немецком языке), и скорее всего сам Востоков, обратили его внимание на этот атлас. Ведь как раз в эти годы Миддендорф был непременным секретарем Академии наук (1857), а Востоков (с 1841 г.) — ординарным академиком. Обоих могла сблизить и общность балтийского происхождения (Востоков был незаконным сыном одного из Остен-Сакенов), а так же принадлежность к «высшему» петербургскому кругу.

В то же время именно оторванностью от ученого петербургского общества объясняется то, что превосходный исследователь Сибири, но в прошлом всего лишь скромный провинциальный горный чиновник из Змеиногорска, Г. И. Спасский, издавший во второй половине тех же сороковых годов два специальных историко-географических или, точнее, картографических труда — «Книга глаголемая Большой Чертеж» (1846) и «Список с Чертежа Сибирския Земли» (1849), — ни разу не упоминает в них про атлас Ремезова, который должен был бы его глубоко заинтересовать, как сибиряка, ученого и исследователя Сибири, если бы он о нем или даже о Каталоге Востокова что-либо знал, хотя он глухо слышал о каком-то чертеже Сибири из других источников⁴.

* * *

В первой части описания своего путешествия Миддендорф приводит и надпись, о которой идет речь: «до сего места Александр Македонский доходил и ружье спрятал и колокол оставил»⁵. Против страницы 36 того же тома воспроизведена целиком, хотя и в сильно уменьшенном виде, та карта Ремезова, на которой встречается эта надпись. Карта воспроизведена не фотографически, а по поручению Миддендорфа перечерчена.

Как ни странно, получается небольшое разночтение. Миддендорф нашел в надписи «доходил», чертежник — только «ходил», у Миддендорфа союз «и» встречается два раза, у картографа — только раз. Это даже несколько много для одной короткой надписи в какой-нибудь десяток слов, причем в книге автора, так заинтересовавшегося этой надписью. Но по собственным словам Миддендорфа, он не очень считался с такого рода тонкостями. По поводу приложенной к его труду копии карты Ремезова он писал: «Так как чертеж этот издается с картографической целью, то здесь не сочтено за нужное передать с библиографической точностью самый почерк надписи»⁶. Самое слово «ружье» он, колеблясь переводит на немецкий язык просто как «оружие». Так, в немецком издании его труда мы читаем: «bis zu dieser Stelle kam der Zar Alexander Von Macedonien und versteckte seine Waffen und liess eine Glocke zugück»⁷. Все это приводит нас к заключению, что ни на копию чертежа Сибири из труда Ремезова, ни на чтение ее Миддендорфом мы полагаться не можем.

⁴ «Временник Общества истории и древностей российских», 1849, кн. 3, раздел «Материалы».

⁵ А. Ф. Миддендорф, *Путешествие на север и восток Сибири*, ч. 1, СПб., 1860., стр. 171.

⁶ Там же, стр. IX.

⁷ A. Middendorff, *Reise in den äussersten Norden und Osten Sibiriens*, Bd. IV., Teil. 1, St. Petersburg, 1876, S. 177.

Но если текстологические методы Миддендорфа были, как мы видели, далеки от совершенства, все же большой интерес представляют для нас его соображения, как ученого громадной эрудиции и таланта, о содержании этой надписи, по поводу которой, по его словам, он немало ломал себе голову.

Сначала Миддендорф предположил, что Ремезов перенес предания, относившиеся к походам Александра Македонского, с Аму-Дарьи, на которой Александр действительно был, на р. Амур, по одному их созвучию, но потом оставил эту гипотезу. Миддендорф учел, что Ремезов — историк, географ и картограф — должен был хорошо знать очень распространенную в России в XVII в. легенду об Александре и его походах, и поэтому никак не мог спутать далекую среднеазиатскую Аму-Дарью, лежавшую на путях Александра Македонского в Индию, с находящейся в тысячах верст от нее рекой Амур, отделяющей родную для Ремезова Сибирь от Китая.

Как раз в это время Миддендорф, к счастью, натолкнулся на два любопытных известия в двух чрезвычайно различных сочинениях. Одно из них он нашел в голландской книге Витсена, где его внимание привлекло следующее переведенное им место:

«Там рассказывают, что лет 30 или 40 тому назад русские военные люди около устья Амура, днища на два пути южнее, на морском берегу, на месте, которое, по-видимому, было окопано, нашли большой колокол, весом в 660 голландских фунтов; при этом лежали различные камни, на которых выдолблены были китайские письмена. Живущие там туземцы говорили, что в старинные времена в реку Амур приехал из Китая на судах морем какой-то император, который и соорудил там и оставил эти надписи и колокол на память»⁸.

Другим известием, дававшим ключ к надписи, был журнал плавания по Амуру, совершенного Г. М. Пермикиным в 1854 г.⁹ В устье Амура Пермикин натолкнулся на некие средневековые памятники и подробно описал их. «Пермикин нашел, — суммировал Миддендорф, — различные камни на правом берегу Амура в виду Амгуньской дельты и срисовал их: это памятники, искусно высеченные из порфира, гранита и мрамора. Монгольские и старотурбетские надписи свидетельствуют, что на этом месте со времен династии Юань было построено буддийское капище»¹⁰.

По возвращении в Иркутск Пермикин обнаружил, что в Сибирском отделе Русского Географического общества «есть драгоценная древняя рукопись, пожертвованная Г. Якушкиным. Она составлена неизвестным лицом в 1678 г., и в ней-то, в четвертой главе, заключающей в себе сведения о путях сообщения с Китаем, — продолжает Пермикин, — я нашел следующее любопытное показание: От устья Амура верх, плиты два дни, есть место в устье будто копано и на том месте нашел колокол

⁸ Цит. по кн.: А. Ф. Миддендорф, *Путешествие на север и восток Сибири*, ч. I, стр. 171. — Известие у Витсена см.: N. Witsen, *Noorden Oost-Tartarye, Amsterdam*, 1692, S. 29.

⁹ «Путевой журнал плавания по реке Амуру от Усть-Стрелочного караула до впадения ее в Татарский пролив члена-сотрудника Пермикина» (Зап. СОРГО, кн. II, отд. I, СПб., 1856), стр. 1—79.

¹⁰ Памятниками этими интересовались много позже русские ориенталисты, в том числе В. П. Васильев, П. С. Попов, А. М. Позднеев и А. О. Ивановский. Памятники эти, известные под названием Тырских, по их местоположению вблизи селения Тыр, были воздвигнуты в 1412 и 1434 гг., т. е. в эпоху Минской династии; частично сохранившиеся на них надписи высечены на трех языках — китайском, монгольском и чжурчженском. Тырские памятники еще до революции были перевезены во Владивостокский музей (см.: «Юбилейный сборник музея Общества изучения Амурского края», Владивосток, 1916, стр. 84).

китайский повешен более двадцати пуд и тут же нашли в трех местах китайское письмо в каменных скрижалях и иноземцы сказывали ж, что в старых летех некоторый царь китайский ходил из Китая по морю на Амур и тут для признаку и воспоминания покинул то письмо и колокол»¹¹.

Сравнение приведенного отрывка из Иркутской рукописи XVII в. с известием Витсена не оставляет никакого сомнения в том, что последнее является простым переводом из этой же рукописи. Миддендорф правильно заключил, что упоминание о колоколе в надписи на карте объяснялось тем, что и Ремезову было известно содержание этой древней рукописи, которое кружным путем дошло и до Витсена в Амстердам. Ободренный успехом Миддендорф решил, что найденные им известия «решают здесь все затруднения»¹².

Но все ли? Фактически, что, несомненно, очень важно, удалось лишь выяснить, что загадочная надпись не была плодом чистой фантазии и в одной своей части (о колоколе) базировалась на каких-то реальных известиях; этим самым задача решалась на одну треть; но нерешенная ее часть делалась еще более трудной и еще более настоятельно требовала объяснения — какую же роль здесь играл Александр Македонский и что это было за ружье?

Если допустить, что Ремезов был знаком с упомянутой рукописью 1678 г. или какой-либо аналогичной другой, — а она ясно говорит о китайских письменах, — какая была необходимость переделывать китайского императора в греческого царя?

Далее остается непонятным, как мог Ремезов связать с Александром Македонским ружье. Ремезов и все его современники прекрасно разбирались в оружии. В памяти сибиряков хранилось воспоминание о победе вооруженных пищальями воинов Ермака над войском Кучума, располагавшим лишь луками и стрелами. Известия о походах русских в Сибирь прежде всего упоминают вооружение противника — лучной у него бой или огненный. В сказаниях об Александре, несмотря на всю присущую им нередко баснословность, нигде не встречается и намек на ружье.

Можно было, конечно, отнести обе эти несообразные вещи — Александра Македонского и ружье — за счет пережитков средневековых легенд и преданий в Сибири, но дело в том, что этому противоречит, во-первых, совершенно реальное объяснение, найденное колоколу, и, во-вторых, это никак не укладывается в общий стиль и исходные установки Ремезова. Атлас Ремезова — исключительно деловой, лишенный каких бы то ни было элементов мифологии, сказок, побасенок, все еще тяжелым грузом висевших над мировой картографией в ту эпоху. Тогда как на голландских картах XVII в. в северо-восточном углу Сибири все еще фигурируют вал Александра и таинственные народности Гог и Магог (Яджудж и Маджудж Корана), у Ремезова нет и следов этой фантастики. Мы встречаем этих Гога и Магога на карте 1677 г. Татарии французского королевского географа Сансона¹³ и у Василия Киприанова в «Азии таблице» (части его атласа 1713 г.). «Мунгалы суть... Гог и Магог, — писал Спафарий, — потому что они называются магоги»¹⁴.

Атлас Ремезова по деловитости и трезвой научности своей нагрузки мог бы служить примером для современных ему произведений мировой

¹¹ «Путевой журнал плавания по реке Амуру...», стр. 70.

¹² А. Ф. Миддендорф, *Путешествие на север и восток Сибири*, ч. 1, стр. 171.

¹³ Кордт В. А., *Материалы по истории русской картографии*, вторая серия, вып. 1, Киев, 1906, XX.

¹⁴ «Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году» («ЗРГО по Отделению этнографии», т. X, вып. 1, СПб., 1882), стр. 128.

картографии. Общий стиль надписей в атласе вроде «топится сера», «а в нем свинец и нашатырь», «и город каменный старый, две стены целы, а две развалились, а которого города того не знаем» или лаконичное «кости» на месте, где, видимо, была битва, никак не вяжется с резко диссонирующей с ним надписью об Александре Македонском и ружье. Объяснить наличие надписи случайностью, произволом или легкомыслием Ремезова тоже трудно, учитывая, что атлас создавался «по указу великого государя».

* * *

Со времени Миддендорфа, которому казалось, что все затруднения решены, тогда как он нашел ключ лишь к одной их трети, никто более из историков и географов не пытался анализировать или осмыслить эту надпись, хотя почти все без исключения авторы, останавливавшиеся на картографических трудах Ремезова, — от А. Н. Пыпина до С. В. Бахрушина, от В. В. Бартольда до М. С. Боднарского — приводят ее без комментариев, рассматривая, очевидно, лишь как анахронистический курьез.

Надпись эта приводится чаще всего, по-видимому, как лишнее подтверждение суждений таких авторитетов, как Миддендорф и Майков (оба они были в разное время непременными секретарями Академии наук), о труде Ремезова, как один из показателей его «наивности», «чуждовщности», «детского состояния нашей картографии». Наряду с другими отмеченными Миддендорфом «курьезами», как ориентировка карты на юг вместо севера, «реки толщиной в мизинец и озера в форме идеальной картофелины», непонятная надпись послужила немалым основанием для компрометации труда тобольского «снискателя».

* * *

Обратимся еще раз к надписи и попробуем найти ее дальнейшее объяснение в ней самой.

Прежде всего приведем фотографическую копию карты Ремезова (по переизданию 1882 г.). Хотя это фототипическое издание и не безупречно, так как чья-то рука, причем очень неудачно, кое-где правила клише, как это отметил Каэн¹⁵, сличение с рукописным подлинником «Чертежной книги Сибири» показало, что в данном случае искажения нет.

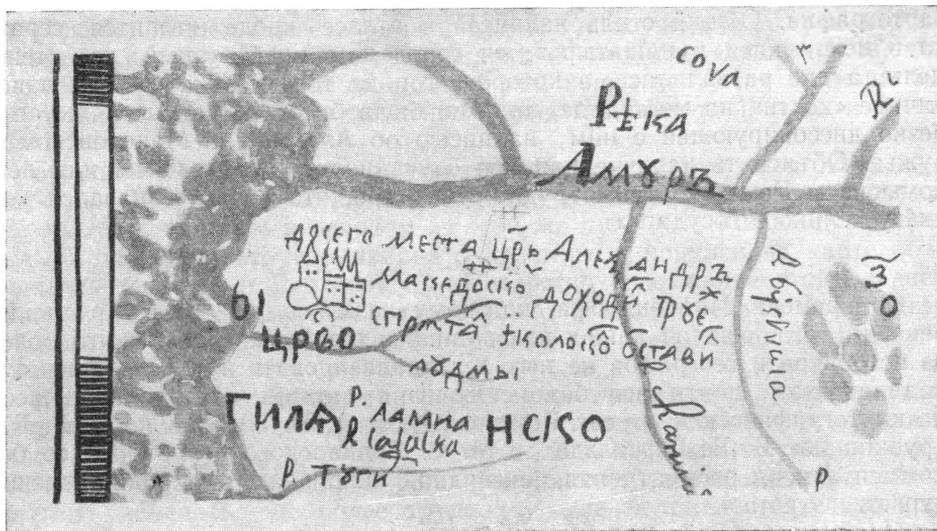
Анализируя надпись, мы с самого начала упираемся в первую трудность. В ней сказано: «ружье спрятал». Но «прятать» в XVII в., в особенности на приказном церковно-славянском языке, каким писал Ремезов, обозначало очень разные вещи и меньше всего «прятать» в современном смысле этого слова, или «verstecken», как переводил Миддендорф. Так А. Г. Преображенский указывает, что значением глагола «прятать» было обвивать, обертывать, прикрывать. Древнерусским значением было — убрать, обрядить к погребению; опрятаться значило прибрать себя (к смерти)¹⁶. Срезневский приводит следующие значения для этого глагола — обрядить, убрать (покойника), приготовить (к погребению); далее, убрать, укрыть — «и тем плащем опрята»¹⁷; те же значения дает и более новый словарь Фасмера¹⁸. В ходе времени глаголы «прятать» и «хоронить» обменялись значениями.

¹⁵ G. Cahen, *Les cartes de la Sibérie au XVIII-e siècle*, Paris, 1911, p. 106.

¹⁶ А. Г. Преображенский, *Этимологический словарь русского языка*, вып. II, СПб., 1915, стр. 145.

¹⁷ Н. И. Срезневский, *Материалы для словаря древнерусского языка*, т. II, СПб., 1902, стр. 698.

¹⁸ Vassmer Max., *Russisches etymologisches Wörterbuch*, Heidelberg, 1955, S. 456.

ЧАСТЬ КАРТЫ ИЗ «ЧЕРТЕЖНОЙ КНИГИ СИБИРИ» С. РЕМЕЗОВА С НАДПИСЬЮ
ОБ АЛЕКСАНДРЕ МАКЕДОНСКОМ

От этого надпись на время делается еще более трудной. Предположение, что Александр Македонский «хоронил ружье», отдает еще большим курьезом, чем если бы он его прятал.

Обратимся еще раз к надписи. Если взглядеться в нее с «библиографической точностью», которой пренебрег Миддендорф, мы убеждаемся, что слова «ружье» вообще в надписи нет, а есть другое слово, которое Миддендорф неправильно прочел, а его картограф неправильно воспроизвел. У Ремезова перед словом, о котором идет речь, стоит буква «Т», которую Миддендорф просто опустил, а чертежник принял за «і».

В подлиннике атласа обнаруживается, что это «Т» сделано несколько более бледными чернилами, очевидно, в порядке последующей корректуры (мы знаем, что Ремезову помогали сыновья).

Таким образом, первые три буквы слова, принимавшегося за «ружье», читаются на самом деле «тру». Вновь обращаясь к словарям церковнославянского языка и прежде всего к Срезневскому, мы убеждаемся, что единственным словом, начинающимся с «тру» и подходящим по смыслу к нашей надписи, является «трупье». О «трупье» (собр.) говорят и «Повесть временных лет» — «трупье раб твоих» — и другие летописи — «По торгу трупье», «по улицам трупье», «по полю трупье», «и начала провадится за Великую Реку с трупьем»¹⁹. В переводной «Повести о полонении Иерусалима» встречается: «Кровь же текаше яко река и струя кровная влакаше трупие»²⁰.

Что же касается выносной буквы, которая обычно читалась как «ж» (она написана боком и очень неясно), мы можем предположить, что державшее корректуру лицо решило оставить ее без изменения, так как выскребывание буквы и замена ее другой было бы более неудобным делом, чем простая добавка одной буквы в начале слова. Надо заметить, что и практика делового полуустава, каким написан атлас Ремезова, была настолько неустойчивой, что неясные выносные буквы читались чаще всего по смыслу, а не по начертанию.

¹⁹ Н. И. Срезневский, *Материалы для словаря древнерусского языка*, т. III, СПб., 1912, стр. 1011.

²⁰ Цит. по кн.: Н. К. Гудзий, *История древнерусской литературы*, М., 1953,

Теперь надпись становится несколько более осмысленной. Если Александр Македонский не мог спрятать ружье, то он мог спрятать (похоронить) трупье, что вполне логично для полководца, давшего столько кровопролитных битв. Таким образом, надпись, как ее имел в виду Ремезов, следует читать: «До сего места Александр Македонский доходил, трупье спрятал [похоронил павших] и колокол оставил».

Остается вопрос, зачем понадобилось Ремезову отнести на счет Александра Македонского отголоски дошедших до него сведений о каких-то битвах, погребениях и колоколе в устье Амура.

Для решения этого вопроса бесполезно еще раз обратиться к труду Витсена, который так помог Миддендорфу при решении первой части загадки. Нам остается только пожалеть, что Миддендорф пользовался изданием 1692 г., очевидно считая его наиболее важным и аутентичным, и не обратился к следующему изданию 1705 г., вышедшему также при жизни Витсена, но значительно расширенному и дополненному. Он нашел бы в нем много интересного и значительного, проливающего свет на эту надпись и связывающую ее с государственными интересами России и с происходившими в те годы в Нерчинске переговорами между Китаем и Россией по поводу заключения договора.

* * *

Для того чтобы вопрос стал более ясен, необходимо, хотя бы вкратце, остановиться на том, какое большое значение, ныне совершенно исчезнувшее, имело в XVII в. представление о личности Александра Македонского и о классическом произведении той эпохи — сказаниях о нем, известных под названием Александрии. То обстоятельство, что сказания об Александре входят у нас в обычные сборники древнерусских повестей, затемняет и принижает их значение.

На самом деле роман об Александре стоял совершенно особняком и являлся не только классическим литературным или даже философским произведением, своего рода «Фаустом» средневековья, но и книгой для правителей, трактатом для государей и, в эту меру, глубоко политическим произведением. Так оно было и на западе и на востоке. Легенды об Александре были распространены не только в Европе, откуда они перешли в Россию, но, — что для нас в данном случае, особенно важно, — также и в самых отдаленных углах Азии. «Александр, — пишет известный комментатор Марко Поло Юл, — был героем как европейских, так и арабской и иранской литератур от Скандинавии до Сиамы и Малайских стран»²¹. На этом недавно подробно остановился Бертельс, подчеркивающий, что сказания об Александре служили верхушке общества на Востоке энциклопедией и сводом политической мудрости эпохи²². Поэма об Александре, принадлежащая Низами, рассчитана на коронованного читателя. Эта поэма — нечто вроде зеркала, руководства для царей²³. Бертельс указывает на распространенность сказаний об Александре среди тюркских народов Азии и приводит ряд версий²⁴. Таким образом, мы видим, что легенды об Александре, обрисовывавшие его личность, были широко распространены не только в России, но и в Средней Азии и в Сибири. В представлении средневековья, затянувшие-

²¹ H. Yule, *The book of sir Marco Polo*, vol. I, London, 1871, p. CXXXVIII.

²² Е. Э. Бертельс, *Роман об Александре и его главные версии на Востоке*, М., 1948, стр. 59.

²³ Там же, стр. 178—179.

²⁴ Там же, стр. 117.

гося в отсталых странах вплоть до конца XVII в. и даже позже в меру сохранения феодализма, Александр — не только величайший человек в мире, повелитель вселенной, недостижимый образец и пример для властителей, мудрейший, храбрейший и благороднейший герой, но и по праву завоевания законный повелитель мира и тем самым источник преемственной власти на земле. Он завоевал отдаленные страны, вся власть по праву принадлежит ему, он ею законно владеет и она от него простирается. Стремясь смыть позор поражения и заручиться правом на часть завоеванного Александром мира, иранские дворцовые хроники зачисляют его в число наследственных законных повелителей страны. Арабы включили его в ряд пророков до Магомета, и он считался защитником и поборником Ислама²⁵. В России сказание об Александре входило интегральной частью в «Степенную книгу», т. е. в династическую историю правителей Московской Руси, а «в русских хронографах излагается история Рима и Византии... о начале Византийского Царства с рассказом от Александра Македонского»²⁶.

В XIV—XV вв. в России «начинает распространяться сербская Александрия, которая потом разошлась в большом количестве списков... Александр являлся в ней полухристианским героем; пророк Иеремия являлся его спутником и помощником»²⁷. «Складывались христианские Александрии, где мать Александра это мать Византии и сыновья ее властвуют в Риме, Царьграде и Александрии»²⁸.

Мы уже видели, что Александрия входила официальной и интегральной частью в Степенную книгу. Не удивительно, если русские государи по традиции считали себя законными преемниками Александра Великого, ибо разве не был он одним из греческих царей, а последние разве через греческих же византийских императоров не передали власть над миром русскому царю? В результате брака Ивана III с последней представительницей византийских императоров московский князь превращался в законного повелителя Востока.

«В глазах современников Московская царица, единственная оставшаяся в живых наследница Палеологов, должна была считаться законной наследницей Восточной империи»²⁹. Венецианская синьория писала Ивану III о том, что Восточная империя «должна принадлежать вашему высочеству в силу вашего благополучного брака»³⁰. Восточную же империю можно было отождествлять с империей Александра Великого, и нет ничего удивительного, что позже патриарх Иоаким объявил Иоанна Грозного преемником Александра Македонского. Если русские самодержцы для обоснования различного рода политических домогательств на западе выдвигали претензию на происхождение от римских цезарей («мы от Августа кесаря родством ведемся», — писал Иван IV шведскому послу), то на Востоке аналогичную магическую роль играло имя Александра Великого.

Тот факт, что на протяжении XIX столетия три русских императора, царствовавших в общей сложности две трети века, последовательно звались Александрями, имел свое политическое значение, как напоминание о преемственности их власти от великого завоевателя Запада и Востока. Это представление русских царей — о преемственности их

²⁵ «Encyclopaedia of Islam», vol. I, Leiden, 1953, p. 173.

²⁶ В. С. Иконников, *Опыт русской историографии*, т. II, ч. I, Киев, 1908, стр. 266.

²⁷ А. Н. Пыпин, *История русской литературы*, т. I, СПб., 1902, стр. 492.

²⁸ Там же, стр. 497—498.

²⁹ Ф. И. Успенский, *Брак царя Ивана Васильевича III с Софьей Палеолог* («Исторический вестник», т. XXX, СПб., 1887), стр. 689.

³⁰ Там же, стр. 689.

власти от Александра Македонского и византийских императоров — внушало немало тревоги на Западе в связи с активной восточной политикой России, и эти именованья одного русского императора за другим Александром Македонским иностранные дипломаты отмечали в своих мемуарах. Не следует думать, что попытки объявить себя наследниками империи Александра Великого ограничивались только Россией. Лоренц отмечал, что «примеры связывания Австрии с древневосточной историей и с Александром Великим мы можем проследить в течение всех столетий»³¹.

В Московской Руси имя Александра Македонского было неумирающей реальностью. Связи его с народом России были многообразны, и о них ходило не одно предание. Еще в Лаврентьевской летописи XI в. рассказывалось о поганных народах, заклепанных Александром в восточных горах к востоку от Югры, т. е. где-то на восточной окраине России³². В разных рукописях и сборниках XVII в. фигурировали упоминания о славянах, помогавших в войнах Александру Великому. Впервые все эти предания были напечатаны в Синописе в Киеве в XVII в. «В исторических рукописях 17 в., — пишет современный нам историк, — напр. в „О истории еже о начале Русския земли“... рассказывается, что Александр Македонский ссылался с русскими князьями письмами, при чем приводится текст письма Александра к „храбросердому Народу Словенскому“»³³. Даже в 1757 г. библиотекарь Академии наук Богданов приводил в составленном им труде грамоту Александра Великого к словенскому народу³⁴. Сказочную грамоту Александра Великого словенскому народу приводит и Карамзин³⁵. Ломоносов, ссылаясь на средневекового историка Польши Кромера, указывал, что грамотою Александра Македонского «кроме наших новгородцев и чехи оною похваляются»³⁶. Мусульманская хроника XVI в. приписывает основание Елабуги на Каме Александру Македонскому³⁷. В 1703 г. Петр объяснял голландскому художнику де Брейну, что найденные вблизи Воронежа зубы мамонта были останками околелых слонов проходившего здесь Александра Македонского³⁸.

Мы уже говорили о том, что по преданию Александр Македонский был на крайнем востоке России — Югре. Имя его в Сибири было не меньшей, если не большей реальностью, чем в европейской части России. Так, не кто иной, как мангазейский воевода А. Ф. Палицын представил московскому правительству проект распространения русских владений на Лену и призывал царя Михаила Федоровича к расширению его вотчины «до преходу великого Александра»³⁹.

* * *

Именно широким распространением преданий об Александре и их политической окраской и ассоциациями и объясняется, что имя Александра Македонского выплыло в 1689 г. в одном из самых отдаленных угол

³¹ O. Lorenz, *Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter*, Bd. I, Berlin, 1886, S. 266.

³² М. П. Алексеев, *Известия иностранных путешественников о Сибири*, Иркутск, 1941, стр. 123; А. Н. Пыпин, *История русской этнографии*, т. IV, СПб., 1892, стр. 183

³³ М. Н. Тихомиров, *Очерк истории исторической науки в СССР*, М., 1955, стр. 95.

³⁴ П. Пекарский, *История Императорской Академии наук*, т. II, стр. 201 и 425.

³⁵ Н. М. Карамзин, *История государства Российского*, т. I, СПб., 1818, прил. 70.

³⁶ М. В. Ломоносов, *Древняя российская история* (Полное собрание сочинений), т. VI, М., 1952), стр. 189.

³⁷ «Россия», под ред. В. П. Семенова-Тяньшанского, т. V, СПб., 1904, стр. 128, 541.

³⁸ Cornelis le Bruyn, *Travels into Moscow*, vol. I, London, 1737, p. 64; В. Т. Иларионов, *Мамонт. К истории его изучения в СССР*, Горький, 1940, стр. 12.

³⁹ С. В. Бахрушин, *Андрей Федорович Палицын* («Научные труды С. В. Бахрушина», т. III, М., 1955), стр. 187.

Сибири — в Нерчинске в ходе переговоров между русским и маньчжурским послами по поводу установления границ между Россией и Китаем.

В небольшой книге нашего историка-художника С. В. Бахрушина прекрасно описывается обстановка Нерчинских переговоров. «Конференция 1689 г. началась с запроса с обеих сторон. Сперва русские предложили установить границу по Амуру с тем, что вся страна к северу от этой реки отходит под власть Московского государя. В ответ китайцы потребовали всех земель к востоку от Байкала и уступки Селенгинска и Нерчинска, ссылаясь на то, что все эти земли некогда принадлежали Александру Македонскому, наследником которого очевидно почитал себя богдыхан»⁴⁰. При всем уважении к маститому покойному историку Сибири надо все же указать, что он допустил в данном случае некоторую неточность. Сравним его описание Нерчинской конференции с описанием Соловьева в его «Истории России», на которую Бахрушин ссылается как на один из источников своей небольшой популярной книги.

У Соловьева мы читаем «дело дошло до точнейшего определения границ. Головин объявил, что границею должна быть река Амур до самого моря: левой стороне быть под властью царского величества, а правой — богдыханова. Китайцы возражали, что река Амур во владении богдыхана от самых времен Александра Македонского. Головин отвечал, что об этом хрониками разыскивать долго, а после Александра Великого многие земли разделены под державы многих государей. Китайцы, оставя Александра Македонского, предлагали границу до Байкала»⁴¹.

Таким образом, мы видим, что у Соловьева не сказано, что какие-либо земли по Амуру принадлежали Александру Македонскому и что богдыхан почитал себя его наследником, а лишь то, что они были во владении богдыхана со времен Александра Македонского, т. е. маньчжуры ссылались не на наследственное право, а на одну лишь древность владения. Поэтому мы вправе предположить, что, слишком доверившись своей памяти, Бахрушин не совсем точно передал характер претензий маньчжуров и этим объясняется явно оговаривающее домисел вставленное им слово «очевидно».

То же, что у Соловьева, мы находим и у Бантыш-Каменского в его труде, составленном по подлинным документам архива министерства иностранных дел, которым он заведовал. «Китайцы, — пишет он, — сказали, что из давних лет Амур-река во владении Богдыханова Высочества, от самого царя Александра Македонского»⁴².

Ввиду полного совпадения известий у Соловьева и Бантыш-Каменского остается предположить, что оба они работали по одним и тем же архивным первоисточникам, и одновременно отвергнуть предположение, что Соловьев просто заимствовал данные у Бантыш-Каменского (во-первых, потому, что труд последнего тогда еще не был издан, и, во-вторых, потому, что Соловьев приводит ответ Головина маньчжурам, которого у Бантыш-Каменского нет).

О том, что имя Александра Македонского фигурировало на Нерчинской конференции 1689 г., на основании дошедших до него русских источников, сообщает и Витсен⁴³.

⁴⁰ С. В. Бахрушин, *Казачи на Амуре*, Л., 1925, стр. 93.

⁴¹ С. М. Соловьев, *История России с древнейших времен*, т. XIII, кн. 3, изд. 3, М. [б. г.], стр. 1030; П. Т. Яковлева, *Первый русско-китайский договор 1689 г.*, М., 1958, стр. 164.

⁴² Н. Н. Бантыш-Каменский, *Дипломатические собрания дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 г.*, Казань, 1882, стр. 62.

⁴³ N. Witsen, *Noord en Oost Tartarye*, Amsterdam, 1705, S. 243.

Нельзя не отметить в этой связи, что те сведения о Нерчинской конференции, которые русские историки добывали в архивах и опубликовали во второй половине XIX в., Витсен благодаря своим связям имел возможность получить и опубликовать почти на два века раньше.

Почему все-таки появилось имя Александра Македонского на конференции и почему назвали его китайцы?

По этому поводу существует два предположения. Так В. В. Бартольд считает, что на самом деле китайцы ничего не говорили об Александре Македонском, а сделал это сам Головин и потом приписал китайцам⁴⁴. Однако это предположение повисает в воздухе ввиду полного отсутствия внутренней логики и связи с реальной обстановкой конференции. Если имя Александра Македонского действительно упомянули не маньчжуры, а Головин, и это по какой-то причине оказалось ошибкой и ему пришлось идти на попятный, можно быть совершенно уверенным, что иезуиты — участники конференции не простили бы ему этой ошибки, и она фигурировала бы в их сообщениях о ней, а этого в сообщениях иезуитов как раз нет⁴⁵. Гораздо более трезвое и обоснованное предположение высказывает Миллер. В примечании к своей статье о Нерчинской конференции он пишет: «Китайцы ничего не знают об Александре. Это должно быть работой иезуита отца Жербийона»⁴⁶. И, действительно, ссылка на Александра Македонского могла быть подсказана европейцами-иезуитами, которые выдвинули ее как нечто неопровержимое в глазах русских и как свидетельство глубокой древности владения.

Соловьев пишет, основываясь на китайских делах архивов, и в первую очередь на статейном списке Головина, что Головин отвел эту претензию как неосновательную. Надо думать, что именно ввиду отвода этого аргумента Головиным либо сами иезуиты, либо более высокая иезуитская редакция в Риме или Париже опустили при печатании отчетов Жербийона и Перейра этот аргумент ввиду его полной несостоятельности (в Европе всем было бы ясно, что этот аргумент гораздо более подходил бы русским) и явной подсказанности его маньчжурам советниками-иезуитами.

Однако упоминания об Александре Македонском у Витсена в связи с Амурскими делами не ограничиваются этим. Так он пишет, что «в 1675 г., как сообщают, в Москву приехали четыре монгольских посла. Первый из послов заявил, что он потомок Александра Македонского, о котором он много чего рассказывал»⁴⁷. Далее, 24 сентября 1686 г. в Даурскую землю к полномочному русскому послу окольничему и брянскому наместнику Головину явилось несколько монгольских посланников «от Гэгэн-Хутухты Очисарой Саин-хана и других князей этой страны». Один из них «заявил, что монгольские князья являются потомками Македонского царя Александра»⁴⁸. «И, наконец, в ноябре этого 1687 г., — читаем мы далее у Витсена, — в расположенный против монгольской земли пограничный город Удинск прибыли монгольские послы Очирдан-Хутухты Далай-Цэцэн-ноин и других тайшей или князей». И далее, «после чего некоторые из вышеупомянутых монгольских князей вновь из своей страны послали письмо высокому послу его Царского Величества Федору Алексеичу Головину, обращение которого гласило:

⁴⁴ В. В. Бартольд, *История изучения Востока в Европе и России*, Л., 1925, стр. 195.

⁴⁵ G. B. Du Halde, *Description de l'Empire de la Chine*, t. IV, 1736.

⁴⁶ G. F. Müller, *Russische und Chinesische Friedens-Handlungen im Jahre 1689* («Sammlung Russische Geschichte», Bd. I, St.-Petersburg, 1764), S. 512.

⁴⁷ N. Witsen, *Noord en Oost Tartarye*, 1705, S. 219—220.

⁴⁸ *Ibid.*, S. 231.

..Мы Божьей милостью македонские цари... расселены македонским царем на пять частей, над которыми он поставил пять властителей... так как мы живем поблизости от народов их Царских Величеств, желаем жить в мире с ними“» и далее идет предложение о взаимной помощи⁴⁹.

Претензии, с которыми выступали эти мелкие князьки, требовали соответствующего отпора. Нечего удивляться, поэтому, что в договоре Голловина с монгольскими тайшами, заключенном в том же, 1689 году о принятии их в подданство, цари Петр и Иоанн, от имени которых Голловин заключил договор, именуется в царском титуле «цари царей, обладатели стран, государств покорители, владетели севера и юга»⁵⁰. Достаточно сравнить этот царский титул с титулом в договоре с Австрией и Венецианской республикой, заключенном в 1697 г., чтобы увидеть разницу и приспособление титула к обстановке, когда Москве надо было князькам дать понять, что если они пользовались голым именем Александра Македонского, то Московские цари обладали всеми реальными атрибутами его власти.

Нас не должно поражать, что мелкие монгольские или калмыцкие князьки выдвигали такого рода претензии на происхождение от Александра Македонского, если учесть распространенность преданий о нем по Азии и стремление всех властителей того времени обосновать свои территориальные, династические и политические домогательства ссылкой на преемственность от какого-либо всемирного авторитета или бесспорного властителя. В Англии это был Брут, придуманный епископом Джефри, в большинстве европейских стран — Цезарь или Август; в азиатских странах эту роль нередко играл Александр Великий. Так, еще у Марко Поло встречается упоминание, что все властители Бадахшана утверждают, что они потомки Александра Македонского⁵¹. Юл сообщает, что на эту генеалогию претендуют и в настоящее время властители Дарваза, Куляба, Вахана, Читраля, Гилгита, Балти и т. д.⁵². Эти сведения Юл мог по крайней мере частично почерпнуть из описания путешествия Федченко, который сообщает, что правители горных областей Каратегина, Дарваза, Шугнана и Бадахшана считают себя потомками Александра Македонского. Один из них, заявлял, что ему как потомку Александра Македонского «принадлежат все царства и земли и что, поэтому, он имеет бесспорное право на Самарканд»⁵³. В. Григорьев писал, что «полудикие князьки в предгорьях Памира считают себя родственниками и потомками Александра»⁵⁴. Современный историк Индии Э. Р. Бивен отмечает, что у мелких князьков в предгорьях северо-западной Индии до сих пор встречаются претензии на происхождение от Александра Македонского⁵⁵. Но имя Александра бродило в те годы и за Байкалом, вплоть до Маньчжурии. Член русского посольства в Китай 1692—1694 гг. Бранд писал, что по дороге из Даурии в Пекин он видел развалины опустевших городов, разрушение которых приписывалось Александру Великому⁵⁶.

⁴⁹ Ibid., S. 232—233.

⁵⁰ «Полное собрание законов Российской империи», Собрание первое, СПб., 1830, т. III, № 1329, стр. 4.

⁵¹ И. П. Минаев, *Путешествие Марко Поло*. Перевод старофранцузского текста (ЗРГО по Отделению этнографии, т. XXVI, СПб., 1902), стр. 63.

⁵² H. Yule, *The book of sir Marco Polo*, p. 152.

⁵³ А. П. Федченко, *Путешествие в Туркестан*, М., 1950, стр. 343.

⁵⁴ В. В. Григорьев, *Поход Александра Великого в Западный Туркестан* (ЖМНП, 1881, октябрь), стр. 208.

⁵⁵ «Cambridge history of India», vol. I, 1922, p. 313.

⁵⁶ Adam Brand, *Seer aenmercklijcke Land — en Water-Reys... an China*, Tyeel, 1699, S. 108.

В данном случае возможно, конечно, что монгольские князьки, ссылавшиеся на свое происхождение от повелителя мира, имели в виду не Александра Македонского, а Чингис-хана; русские же переводчики умышленно или неумышленно превратили его в Александра⁵⁷.

* * *

Возвращаясь к Ремезову, мы можем констатировать, что надпись в устье Амура имела чисто политическое значение и была отголоском прений на Нерчинской конференции. Надпись в атласе была нанесена на северной стороне реки (хотя Тырский утес и памятники находятся на южной), т. е. на той, которую Головин в соответствии с полученным от Москвы наказом («границею реке Амуру быти потому что та река Амур имеет расширение немало и граничит между Государствами Царского Величества и Ханова Высочества из древних лет») предлагал оставить за Россией. Смысл надписи заключается в том, что в этих отдаленных местах (в соответствии с преданиями о путешествии Александра на восток к ледяным и мертвым морям) побывал Александр Македонский, дал битву, похоронил трупы и оставил памятный колокол, и тем самым места эти по праву завоевания принадлежали ему, а по праву преемственности принадлежат русскому государству.

---

⁵⁷ Я должен здесь выразить свою благодарность Н. П. Шастиной за эту ценную мысль и попутно поблагодарить А. С. Зернову за помощь в палеографическом анализе надписей на карте Ремезова, а М. П. Алексеева — за чтение статьи в рукописи и ряд сделанных им замечаний.